

Vadim Telitsyn

Военный коммунизм как система государственных сдержек и общественных противоречий

Studia Prawnoustrojowe nr 26, 337-345

2014

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Vadim Telitsyn

Институт всеобщей истории Российской Академии Наук в Москве

Военный коммунизм как система государственных сдержек и общественных противоречий

Нам уже многократно приходилось писать о всевозможных аспектах и поворотах «военного коммунизма»¹. Немало сказано о «военном коммунизме» было и нашими коллегами – причем, в различных тематических ипостасях². Конечно, вести разговоры, писать и дискутировать по вопросам особенностей этого политического курса можно бесконечно. Однако стоит напомнить, что до сих пор в историографии наличествуют три трактовки «военного коммунизма» – традиционалистское, плюралистическое и неконформистское. (Обозначим их так, хотя у коллег-историков может существовать и иной подход к историографической градации и к терминологии).

К традиционалистам (их можно было подразделить на «умеренных» и «радикалов») вполне возможно отнести тех историков, кто воспринимал военный коммунизм, как экономическую программу существования России в условиях кризиса, порожденного Первой мировой и Гражданской войнами, революциями 1917 г., интервенцией против «молодой Советской республики» и блокадой со стороны «империалистических государств». Традиционалисты напрочь отвергали даже саму мысль, что в политике большевиков могли присутствовать элементы не просто вынужденности, но и теоретических разработок учения марксизма³.

¹ См., например: В.Л. Телицын, *И еще раз о военном коммунизме*, [в:] *История Советской России: новые идеи, суждения*, Тюмень 1993, ч. 1, с. 46–47; его же, «Военный коммунизм»: истоки и смысл, [в:] *Дискуссии по истории Отечества*, Симферополь 1997, с. 62–82; его же, *Сквозь тернии «военного коммунизма»: крестьянское хозяйство Урала в 1917–1921 гг.*, Москва 1998; и др.

² См., например: С.А. Павлюченков, *Военный коммунизм в России: власть и массы*, Москва 1997; его же, *Крестьянский Брест или предыстория большевистского нэпа*, Москва 1996; его же, «Орден меченосцев»: *Партия и власть после революции 1917–1929 гг.*, Москва 2008; Т.В. Осипова *Российское крестьянство в революции и гражданской войне*, Москва 2001.

³ Е.Г. Гимпельсон, «Военный коммунизм»: *политика, практика, идеология*, Москва 1973; его же, *К вопросу о «военном коммунизме»*, «Вопросы истории КПСС» 1986, № 6; И.Б. Берхин, *Что же такое «военный коммунизм»*, «История СССР» 1990, № 3; В.П. Дмитренко, *Политика «военного коммунизма»: проблемы и опыт*, «Вопросы истории КПСС» 1990, № 2; И.Я. Киселев, *Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда*, Москва 2005; С.Г. Кара-Мурза, *Гражданская война*, Москва 2009; Б.Е. Рошин, *Военный коммунизм: всеобщая трудовая повинность (идеологические и юридические аспекты)*, Кострома 2011.

К плюралистическому направлению стоит отнести исследователей, которые уже допускали в «военно-коммунистической» политике совмещение двух составляющих – вынужденности и обусловленности, т.е. меры, вызванные тяжелым экономическим положением страны, переплетались с методами переустройства общества на основе эгалитарной морали. Подобный «допуск» был свойственен работам конца 1980-х – начала 1990-х гг.⁴, но и сейчас не «списан со счетов»⁵.

И, наконец, третье направление, здесь превалирует идея о том, что «военный коммунизм» есть не что иное, как реализация большевистских идей на практике⁶.

Конечно, можно дать и иную характеристику этим трем направлениям, в частности, последнее можно определить не иначе, как радикальное. Но это неправильно. Научная мысль требует развития, и это направление исследований также поможет осветить «военный коммунизм» со своей точки зрения, оперируя своими аргументами.

Повторим, каждая из указанных точек зрения имеет право на существование. Но в данной статье мы бы хотели остановиться несколько на иных аспектах, которые, конечно, так или иначе, выведут нас на ту или иную линию восприятия и объяснения военного коммунизма. Для нас важны положительные и отрицательные стороны этой политики. Оговоримся сразу, «за» и «против» мы будем оценивать не с позиции приемлемой лично для нас трактовки военно-коммунистической политики, а важности ее для государства, для населения России, для самого многочисленного общественного слоя – крестьянства.

Итак, государство, к созданию которого большевики приступили в 1917 г., имело своей целью равноправие всех и каждого, средства достижения – ликвидация эксплуатации, а значит и всех институтов, эксплуатацию эту порождающих. Ликвидации в первую очередь подлежали частная собственность на землю и средства производства, товарно-денежные отношения и возможность общества (и отдельных общественных слоев) влиять на власть и на изменение ее политического курса. Все эти аспекты, так или иначе, влияли на состояние крестьянского хозяйства, на настроения крестьянства России⁷.

Политика, осуществляемая большевистской властью, начиная едва ли не с 25 октября 1917 г.: провозглашение земли как общенациональной ценности, национализация промышленного производства, огосударствление банковской системы, радикализация системы распределения продуктов и товаров по

⁴ В.П. Буддаков, В.В. Кабанов, *«Военный коммунизм»: идеология и общественное развитие*, «Вопросы истории» 1990, № 3.

⁵ А.Ю. Давыдов, *«Военный коммунизм»: политика и люди (Повседневная жизнь в экстремальных условиях)*, Санкт-Петербург 2012.

⁶ В.Л. Телицын, *Сквозь тернии «военного коммунизма»...; В. Страда, Россия как судьба. Сборник статей*, Москва 2013.

⁷ Чего русская деревня хотела на всем протяжении русской революции, так это чтобы ее оставили в покое. См.: W.H. Chamberlin, *The Russian Revolution*, New York 1917–1921, vol. 2, p. 221.

карточной системе – от социально уравновешенной к классовой структуре, выстраивание особых отношений с крестьянством⁸.

Именно эта политика могла не просто дать возможность реализовать теоретические постулаты большевиков на практике, эта политика была внутренним содержанием большевистской власти, стержнем всех ее действий на протяжении первых революционных лет. Да, это был настоящий эксперимент, у большевистского правительства не было перед собой никакого образца. А если бы и был? Стали бы они срисовывать все один к одному? Например, с Парижской коммуны 1870 г.?

Большевики не учли в своих построениях только одного, того, что политика эта не вызвала восторженных чувств во всех социальных стратах. В первую очередь, недовольство проявляли крестьяне, которых сначала обнадежили «Декретом о земле», но потом достаточно быстро все свели под контроль государства над земельными ресурсами (Закон о социализации земли), добавив ко всему обременительные для деревни продразверстку, трудовые и гужевые повинности, налоги на содержание коммуникаций, реквизиции лошадей, и проч⁹.

Все объяснения большевистских властей сводились к тому, что крестьянство должно (более того – обязано) потерпеть все трудности, пока идет Гражданская война. Но всему есть предел, в том числе и терпению крестьянства, которое могло понять (и понимало), что Красную армию надо кормить, обувать и одевать, и что ведущее значение в этом отводится именно деревне (дававшей армии и хлеб, и фураж, и сырье для производства обмундирования). Но крестьянин не мог уяснить того, почему размеры разверсток растут в геометрической прогрессии, и почему большая часть того, что изымается властями из его хозяйства, либо не идет далее местных управленческих структур, распределяется не в армейских частях, а среди беднейших слоев, среди советских чиновников, среди сотрудников спецслужб? Но самое главное, чего не понимал крестьянин, почему, как правило, собранного им урожая и отданного продотрядам, сгнивало где-то на промежуточных станциях. Крестьянин в этом случае даже не вспоминал об обещаниях и расписках властей, согласно которым его, в далеком будущем (которое, кстати, так и не наступило), обещали обеспечить товарами промышленного производства. Обещания эти не могли перевесить то возмущение крестьянина, которое он испытывал, видя, как пропадает результат его труда.

⁸ См.: *Аграрная политика Советской власти (1917–1918 гг.): документы и материалы*, Москва 1954, с. 286–287, 298–299, 340.

⁹ *Сборник положений, декретов, инструкций и циркулярных произведений и циркулярных распоряжений по социалистическому землеустройству*, Пг. 1919; *Узаконения и распоряжения по вопросам социалистического землеустройства*, Казань 1919; *Справочник по социалистическому землеустройству*, Владимир 1920; *Сборник распоряжений по социалистическому землеустройству*, Грязовец 1921.

Крестьяне вообще представляли для большевиков наибольшую опасность, поскольку являли собой не только источник хаоса, но и тот социальный страд, который не желал подчиняться «учету и контролю».

Но власть не сразу (по крайней мере, в первый год большевистской диктатуры) обратила столь пристальное внимание на крестьянские протесты, вспыхнувшие в России едва ли не через месяц после Октября 1917 г. (рано или поздно крестьян все равно утихомят — силой, угрозами или уговорами; вперемежку с незначительными подачками), гораздо важнее была борьба с мешочниками, появление которых означало, что столь ненавидимый большевиками рынок и товарно-денежные отношения (правда, в упрощенной форме) продолжали существовать¹⁰.

Мешочники (они же, по советской терминологии — спекулянты; хотя ставить их в один ряд можно было только что с очень большой натяжкой) воспринимались как враги революции, которые могли исключительно своим социально-экономическим влиянием, своей хозяйственной ролью свести на нет все усилия пролетарского государства по реализации экономической модели существования общества.

Но мешочники оказались едва ли не единственной возможностью существования городских слоев, способных осуществить взаимосвязь обывателя с деревней. Мешочники, по сути, выполняли функции государства, решая проблему (конечно, очень примитивно, но решали) снабжения деревни промышленными товарами, а города — хлебом. Власть столкнулась с объективным фактом существования рынка даже тогда, когда искусственно исчезал элемент-посредник — денежные знаки.

Мешочники оказались не только в роли спасителей города, городского населения, но и крестьянства, т.к. могли хоть в какой-то мере удовлетворять запросы крестьянства в товарах промышленного производства.

Понимала ли власть, что мешочники (сами того не подозревая) являлись последним буфером, удерживающим страну от полнейшей катастрофы, могущей вырасти из самого глобального столкновения города и деревни? Думается, что нет, власть не понимала (или пришла к этому пониманию через год-два после Октября 1917-го). Иначе, как объяснить, что мешочники, как и крестьяне, спасающие страну от голодного коллапса, подвергаются столь чудовищным репрессиям, что их, по сути, зачисляют в ранг «врагов народа».

«Военный коммунизм» позволил большевикам удержаться у власти. И в этом его — с позиции большевиков — плюс. В конце 1920-го — начале 1921 г. большевики неожиданно «признали», с оговорками, что политика их все-таки была ошибочной, поскольку итог ее — массовое недовольство крестьян. Но признание это — постфактум, большой роли оно в самооценках большевиков не играло (поскольку они уже относительно прочно держали власть). «Военный

¹⁰ А.Ю. Давыдов, *Нелегальное снабжение российского населения и власть 1917–1921 гг.: Мешочники*, Санкт-Петербург 2002; РГАСПИ. ф. 5, оп. 1, д. 2621, л. 64, 130.

коммунизм» уже сыграл свою роль, в новых условиях (перехода Гражданской войны в иную стадию), необходима была реформа внутренней политики, политики по отношению к крестьянству, в противном случае большевистской власти действительно грозил серьезный кризис. Большевистская власть не желала терять такого союзника (пусть очень неустойчивого), как крестьянство. Именно благодаря последнему властям удалось удержать победу в Гражданской войне. И перетяни «третью силу» (крестьянство) в свою сторону антисоветский лагерь, непонятно, сколько еще продолжались бы столкновения на бескрайних просторах бывшей Российской империи.

«Минусы» военного коммунизма, но — с позиции государства. Экономическая составляющая военно-коммунистической политики порождала у части общества откровенно иждивенческие настроения, и слой государственных иждивенцев постоянно увеличивался. Причем, каждый стремился урвать как можно больше за счет производящего слоя — крестьянства (иных производителей в стране на то время не было), не считаясь с тем, какие усилия были потрачены все тем же крестьянством и мешочниками на производство, сохранение и транспортировку продукта.

С другой стороны, росло недовольство в тех слоях, которые оставались производителями продуктов, в крестьянстве. Их число постоянно уменьшалось, тогда как нагрузки все время увеличивались.

Еще один «минус» — рост бюрократического аппарата, т.к. все острее и острее вставал вопрос о всеобщем учете и контроле, о распределении и объемах требуемого продукта. Бюрократический аппарат и сам оказался одним из первейших потребителей, причем его потребности все время росли, так как росла и сама его численность. Удивительный факт, но именно в годы военного коммунизма, как ни странно, получила практическое подтверждение известная поговорка: на одного крестьянина приходилось семь чиновников («один с сошкой, семеро с ложкой»).

И еще одно неудобство — рост армии, и это продолжалось до начала 1920-х гг., когда после объявления нэпа властям пришлось в законодательном порядке сократить вооруженные силы Советской России ровно в десять раз (с 5 млн до 500 тысяч). Правда, сокращения не коснулись спецслужб и структур, близких к ним. Это, в принципе, закономерно, т.к. кроме бюрократического аппарата властям для отстаивания своей линии был крайне необходим репрессивный инструментарий, причем такой, который был бы способен охватить все возможные сферы общества, дабы не допустить малейшего неповиновения. Здесь интересен один важнейший аспект отношения крестьянства к воинской службе в условиях Гражданской войны. Уже много и очень подробно писалось о том, какую роль сыграли в послереволюционные годы мобилизации — как в Красную, так и в Белую армии. Да, для ряда политических кругов мобилизации оказались той последней каплей, которая свела на нет все их усилия за политическое лидерство. Однако крестьянство, составляющее подавляющее большинство военнослужащих, как в том, так и в ином противостоящих лагерях, по-своему, с деревенской

основательностью подходило к военной службе: если оно было хорошо обмундировано (особенно в зимние месяцы), хорошо и регулярно накормлено, то, даже с учетом трудностей времен Гражданской войны, крестьянская масса готова была нести службу и в точности выполнять все требования командования¹¹.

Военно-коммунистическая модель порождала довольно-таки странные коллизии: государство утрачивало свойственный ему классово-эксплуататорский вид, но трансформировалось в бюрократическую структуру, где роль «эксплуататоров» отводилась управленцам, действующим не менее безжалостно, чем представители ликвидированных революцией классов, особенно против тех, кого рассматривали как «низкое сословие» (естественно, крестьянство).

Элемент «пролетарский» напрочь вылетал из конструкций «пролетарское государство» и «пролетарская диктатура», что, впрочем, совершенно естественно, учитывая политику государства в сфере внутренней (антикрестьянской) политики. Вообще, термин «пролетарский» для России начала XX в. можно было использовать крайне осторожно. Нет необходимости разворачивать эту тему, вокруг которой было поломано столько копий. Достаточно лишь напомнить о двух моментах – о том, что пролетариат не превышал 10–15% от общей численности населения страны, а во вторых, он был настолько прочно связан с деревней, что классическое определение К. Маркса вряд ли вообще применимо к России¹².

По нашему мнению, и подобранный В.И. Лениным термин «военный коммунизм», как, впрочем, и определение А.А. Богданова «военный социализм» не совсем точно отражает содержание и характер большевистской политики первых революционных лет¹³.

Правильнее характеризовать эту модель государственного устройства как идеологический этатизм. Под этим несколько необычным названием кроется простая истина — отношения в государстве выстраивались исходя сугубо из интересов власти, с ориентацией исключительно на ее, власти, идеологические установки, с которыми правящая партия и решила выстраивать взаимоотношения с обществом, с его слоями – от самых многочисленных (крестьянство) до исчезающих – помещики, священники, и проч.

Конечно, критика большевистского «военного коммунизма» вполне оправдана, но только тогда, когда речь идет о сравнении этой модели с иной,

¹¹ РГВА, ф. 1, оп. 1, д. 303, л. 13–14; С.Н. Яров, *Крестьянин как политик: Крестьянство северо-запада России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест*, Санкт-Петербург 1999, с. 33–34 (Если, конечно, дело не выливалось в другую крайность: в 1921 г. в Тверской губернии наблюдались случаи хождения красноармейцев за милостыней. См.: РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2621, л. 136); И.В. Курьшев, Л.А. Гривенная, *Социально-психологический облик и протестное движение крестьянства Западной Сибири и Северного Казахстана в годы Гражданской войны (1918–1921)*, Ишим 2010, с. 180.

¹² Именно по поводу этих аспектов развернулась борьба против так называемого «нового направления» в исторической науке. См.: В.В. Поликарпов, *«Новое направление» – в старом прочтении*, [в:] его же, *От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века*, Москва 2008, с. 11–32.

¹³ А. Богданов, *Вопросы социализма*, Москва 1990.

с той, которая действительно могла быть направлена на вывод страны из интегрального социально-политического кризиса. В нашем же случае, при выявлении «плюсов» и «минусов» можно только удивляться тому, как большевикам удалось выдерживать свою линию на сохранение (и даже развитие) политики, что, в сущности, и позволило создать большевистское государство.

И совершенно права оказалась радикально настроенная часть большевистского руководства, которая не допускала даже намека на возможность ослабления военно-коммунистической политики, ослабления или изменения политики с крестьянством, что могло привести к расшатыванию всей системы¹⁴. Такая выдержка много стоит.

Итак, «плюсы» «военного коммунизма» с позиции важности такой политики явно перевешивали все «минусы». Государство нашло ту форму взаимоотношения с обществом, которая устраивала именно государство (впрочем, и некоторую часть самого общества). Политика эта имела и свою традицию, и свою новационную составляющую, что касается традиций, то патерналистские настроения являли собой бесспорный, обязательный элемент всей российской истории. И «военный коммунизм» со своим патерналистским приоритетом прекрасно вписывался в общую канву исторического развития российского государства. То есть, патернализм большевистской политики был поддержан со стороны части обывательских кругов, большинство представителей которых и не стремились к независимости от государства. В этом плане важно акцентировать внимание и на том факте, что и в крестьянской среде было немало тех, кто готов был безоговорочно поддержать власть. И не потому, что последняя объявила о национализации земли и передачи ее в бессрочное пользование (о «Декрете о земле» скоро все забыли, да и прирезки составляли буквально десятые доли десятины). Большевистских сторонников в среде крестьян вдохновляло то, что государство брало на себя обязанность поддерживать бедноту, ничего не требуя (кроме готовности умереть за идею, а это, как известно, не более чем риторика) взамен: ни дешевого хлеба, ни дармового фуража, ни бесперебойных трудовых повинностей. За бедноту все тяжести военного коммунизма были переложены на более состоятельных крестьян, которые еще и содержали эту бедноту (часть продрозверстки шло в комбедовские фонды).

К вопросу о новациях в военном коммунизме. (Вопрос этот несколько отводит нас от основной темы – власть и крестьянство, но без его, хотя бы краткого освещения обойтись нельзя.) В работах историков, исследующих философскую составляющую большевизма, настойчиво повторяется тезис о том, что последний есть порождение Запада, западноевропейской общественной мысли. Конечно, марксизм, бесспорно, зародился на Западе, его составные

¹⁴ С.А. Павлюченков, *«Орден меченосцев»: Партия и власть после революции. 1917–1929*, Москва 2008; РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 150, л. 3.

элементы имеют многовековую историю и прорабатывались под воздействием западноевропейских революций XVIII–XIX веков.

Но ни в какой другой стране марксизм не нашел столь питательной почвы для своей реализации (как в радикальном, так и в несколько умеренном исполнении), кроме как в России. Иными словами, именно здесь, в России, почва для его развития оказалась столь «плодородна», что он стал государственной идеологией.

Плюсы и минусы «военного коммунизма» прекрасно реализовались и при решении более глобальной задачи, к решению которой большевики основательно приступили, начиная с конца 1920-х гг., когда речь шла о восстановлении основных структур и модулей Российской империи, правда уже под иным названием – Советский Союз. Но смена названий не меняла основного содержания, поскольку только имперская политика могла удержать «в узде» многочисленные «колонии», да и порядок в самой «метрополии». И в этом не было ничего экстраординарного.

Как известно, России приходилось в своей истории неоднократно переживать кризисы своего имперского устройства (три самых известных – начало XVII в., вошедший в историю как «Русская смута»; русские революции начала XX в.; и, наконец, революционные потрясения 1990-х годов). И только возвращение к имперской политике давало возможность сохранения страны. И это не вина, это не беда, это закономерность российской истории. И большевистское руководство, даже находясь под влиянием ряда субъективных факторов – в частности, отрицания колонизации, как социально-политического феномена, подсознательно проводила политику, направленную на восстановление имперских традиций в государственном устройстве России.

Конечно, процесс этот растягивался на долгие годы, подразделяясь на периоды наступления и отступления, обострения общественных отношений, усиления и ослабления (временно) государства, но всегда – перманентного движения к единственной цели.

Отношение к государственным формам и взаимоотношению власти и общества всегда отличало Россию от стран Запада. Особенно ярко это проявлялось в годы социальных потрясений, когда российский обыватель оказывался в растерянности от стоящих перед ним задач по самосовершенствованию общества, перепоручая решения этих сложнейших, но в то же время очень деликатных проблем властям. На Западе имел место обратный процесс – заинтересованность граждан превалировала над идеями патернализма, и дело заканчивалось заключением нового «общественного договора».

Пожалуй, счастливым исключением можно считать революцию 1990-х гг. Конечно, и в этот распад империи не обошлось без Гражданской войны (правда, в основном на окраинах бывшего Советского Союза), без введения отдельных элементов «военно-коммунистической» системы. Но от мер последней отказались сразу тогда, когда стало понятным, что первые шаги в это направлении потребуют своего логического продолжения. Ставка на рыночные

регуляторы, быть может, более радикальные, давала возможность быстрее отказаться от придания государству роли абсолютной власти над обществом.

Summary

Military communism as the system of state control and public contradictions

Key words: Soviet Russia, social and economic crisis, the period of 1917–1921, policy of “military communism”.

The article studies the policy of “military communism” pursued in the Soviet Russia in 1917–1921, discussions on which proceed even today. Comparing not only positions of various researchers, but also documentary materials, the author analyzes components of this political and socio-economic policy of the Bolshevik government, seeking to answer the major question, whether “military communism” is the product of integrated economic and public crisis, or it is the result of an embodiment of Marxist ideas of equalization in practice. The emphasis in the article is made on how this policy coincided with the interests of the state, the whole society and individuals.